

**НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Л.А. ЧАРСКОЙ:
К ВОПРОСУ О ПОЛЕМИКЕ В РУССКОЙ КРИТИКЕ 1910-Х ГГ.**

Аннотация. В статье отрицательные оценки эстетического и духовного содержания произведений Л.А. Чарской, данные в русской критике 1910-х гг., рассматриваются в свете современной актуальности творчества писателя, а также с позиции переосмысления роли самой критики в процессе развития русской детской литературы в начале XX века.

Ключевые слова: Л. Чарская, нравственно-эстетическая концепция, гуманистические ценности, детская литература, литературная критика.

**MORAL PROBLEMS IN WORKS by L.A. CHARSKAYA:
TO QUESTION ABOUT CONTROVERSY
IN RUSSIAN CRITICISM OF THE 1910-IES.**

Abstract. In the article a negative evaluation of aesthetic and spiritual content of Pro-izvedeni L. A. Charskaya, data in Russian criticism the 1910s, is discussed in the light of contemporary relevance of the writer and also the position of revaluation of the role of the critics in the process of development of Russian children's literature in the early twentieth century.

Keywords: L. Charskaya, moral-aesthetic concept, humanistic values, children's literature, literary criticism.

В 1990–2000-е годы книги Л.А. Чарской после долгих лет забвения вновь возвращаются к читателям. Закономерность подобного литературного факта сегодня все чаще справедливо принято объяснять своеобразием нравственно-эстетической концепции писательницы, имеющей, по мнению многих, современную социальную, эстетическую и духовную актуальность.

В 1989 году известный литературный критик Е.О. Путилова, одна из первых заговорившая о необходимости пересмотра отношения к наследию Л. Чарской, писала о том, что книги писателя приохотили к чтению и к серьезным размышлениям о наиболее значительных жизненных вопросах», они рождали в подростках, «задавленных неправильным воспитанием в семье и школе, рутинной школьного и житейского», «высокие гражданские чувства», «светлую веру в наилучшие качества человека» [1].

С тех пор нравственная проблематика в произведениях Чарской не становилась предметом научного изучения. Однако в последнее время она все чаще рассматривается в свете утверждения христианских ценностей. Так, в кандидатской диссертации «Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы» (Иваново, 2005) Н.С. Агафонова, включившая «девичьи» повести Чарской в состав массовой гендерно ориентированной прозы, показывает,

что именно благодаря православной позиции писателя канонические модели и образы женской прозы в начале века получают своеобразную трактовку [2]. Особую функциональность православного мотива в творчестве Чарской признают и другие исследователи ее творчества – И. Ерёмкина («Она естественно, как дышит, думает и говорит на усвоенном с детства языке христианской морали, просто не знает другого языка» [3]), Е. Полонская, считающая евангельскую притчу «прародителем» повестей Чарской [4], Е.И. Трофимова («Христианство у Чарской перенесено в бытовую, частную сферу» [5]).

Наиболее полная оценка нравственно-эстетической концепции Чарской, дана в диссертационном исследовании «Нравственно-эстетическое своеобразие и актуальность творчества Лидии Алексеевны Чарской» Е.О. Шацкого (М., 2010). Рассматривая нравственную проблематику произведений писателя на основе представления о единстве христианских и гуманистических ценностей в его эстетическом сознании, автор работы отмечает такие особенности, как духовно-эстетическая атмосфера поиска; открытость миру и его принятие, самостоятельное взаимодействие с миром в позиции граждански активной созидательной деятельности.

Выделенная таким образом доминанта идейного мира Чарской – приверженность вечно значимым ценностям – и является для исследователя обоснованием, во-первых, необычайной популярности писателя в начале века («В противовес жестокости гражданских междоусобиц, она поддерживала <...> ценности патриотизма, гуманизма. На конфликт между поколениями она ответила – защитой семейных ценностей»), а во-вторых, современной актуальности его творчества: «В условиях отсутствия единства в российском обществе, политического, социального, ментального разлада между поколениями повести Л.А. Чарской идеальны для семейного чтения. Обращение к ним в наше время важно для наведения мостов между поколениями, человеком и природой, человеком и обществом, человеком и миром в самом широком смысле понятий» [6].

Как видим, историческая справедливость восторжествовала, современные критики и литературоведы вполне единодушно положительно оценивают воспитательный потенциал (конечно же, вкупе с художественными достижениями) творчества Чарской. Однако констатация этого факта требуют пересмотра оценок (а точнее их критериев) современной писателю критики, которая как известно не была столь единодушна в оценке эстетической и духовной значимости произведений писателя.

В начале прошлого века книги писателя рассматривались как позитивно, так и резко критически. Одни рассматривали творчество Чарской с позиций потенциального вреда, приносимого «юношеству» (В. Фриденберг, З. Масловская, К.И. Чуковский), другие, наоборот, отмечали огромное воспитательное значение ее произведений (М. Гловский, Николай Т., В. Русаков). Обратимся к первым.

Беспощадной и высокорезультативной¹ статье К.И. Чуковского «Лидия Чарская» (1912), в которой произведения писательницы предстали как «эталон пошлости и безвкусицы, как со стороны содержания, так и со стороны формы» [7], и о которой уже написано немало (как положительного, так и отрицательно-го), предшествовали статьи «За что дети любят и обожают Чарскую?» (1912) В. Фриденберга и «Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской» (1911) З. Масловской.

Выступая от лица критиков пристрастных к реалистической художественной парадигме, Масловская отмечает, что Чарская в своих произведениях «захватывает» большую область детской жизни, касается разных сторон детской психики, много и правдиво рассказывает о вкусах, об умственном развитии и нравственных запросах детей, на которые педагоги до сих пор не обращали достаточного внимания, но которые, по ее словам, «бесспорно существуют». Однако, листая страницу за страницей книги писателя, критик все рельефнее показывает, что реалистичность изображения действительности в произведениях Чарской имеет, по ее мнению, не положительный, а отрицательный эффект – оказывает губительное воздействие на душу ребенка.

Причина столь резкой реакции заключается в трактовке Масловской ценностных критериев искусства. Признавая за ним, прежде всего, функцию воспитательно-формирующую, она, естественно, выступает за моральную тенденцию, за пропагандирование в книге определенных и вполне традиционных воспитательных ценностей – «веры в Высшее», «стремление к Высшему», стремление жить с коллективом и т. п. Чарская же, по ее мнению, вместо того, чтобы вести детей в мир «высоких идеалов», внедряет в их головы «пошлые ценности».

Не сумев оценить эстетический идеал не только исторических, но и «девичьих повестей» писателя, неповторимость выражения в них нравственных и патриотических идей, Масловская, естественно, увлекается демонстрацией примеров проявления ущербности его мироощущения. Она видит их не только в образах изображенных Чарской героев, лишенных активного духовно-центрированного социокультурного чувства, мысли и действия, но и в характере главного в ее «однообразных по содержанию и по стилю» произведениях, романтического, по сути, конфликта – конфликта наделенных талантами, красотой и умом детей со всем миром.

Выделяя разные аспекты этого конфликта, Масловская пишет: «Певец институтской жизни, Чарская, показывает, <...> по какому трафарету складываются отношения к родителям, педагогам, друг к другу, как проявляются дружба,

¹ В.И. Глоцер: «...своей беспощадной бранью Чуковский не оставлял камня на камне от литературной репутации “обожаемой” Лидии Алексеевны» [8]. Путилова Е.О.: «Постепенно представление о Чарской канонизировалось в духе той беспощадной оценки, которая была дана ее книгам в пору наибольшей ее славы в 1912 году <...> К. И. Чуковским» [1].

любовь, негодование, раскаяние; она ясно показывает нам, как мало-помалу убивается в детях всякая индивидуальность, всякая искренность, для того, чтобы дать место механической, искусственной сентиментальности, ходульному и пошлomu фразерству» [9].

Подходя к произведениям Чарской с этой, заведомо предвзятой, позиции, Масловская не признает даже очевидного, а именно: наличия у детей какого-либо (сформированного или интуитивного) представления о нравственности. Так, к примеру, она совершенно не понимает, почему героиня повести «За что?» просит прощения у мачехи, и в чем она раскаивается. Причина этого непонимания заключается в твердом убеждении критика в том, что ребенок, в отличие от взрослого, не может понимать, что своим проступком нарушил гармонию, которая существует и должна существовать в мире. На этом основании тяжелые переживания взрослеющих героев Чарской, являющиеся, прежде всего, следствием острого ощущения ими своего разлада с миром взрослых, названы Масловской не «проблесками чувства», а пошлой сентиментальностью.

Сводя всю проблематику «девичьих повестей» к одиночеству «бедных» (в оценочном, а не социальном плане – О. Г.) детей, обусловленному их неумением выстроить свои отношения с коллективом, с воспитателями, родителями и сверстниками, Масловская обвиняет Чарскую в легкости отношения к печальным явлениям детской жизни, в непонимании их глубокого трагизма («... её книги являются не обличением, а воспеванием. <Они> «представляют то волшебное зеркало Андерсена, в котором дурное отражается хорошим» [9]). Естественно, что такая оценка нравственной позиции писателя могла привести только к выводу об опасности необычайной популярности его произведений у детей.

Заметим, что помимо гуманистического, Масловская превратно истолковывает и православное содержание, а также гендерное и возрастное своеобразие произведений Чарской. Однако эти вопросы подробно рассмотрены в перечисленных выше исследованиях.

Исходя из представления о прямой связи между читательским опытом и поведенческим профилем ребенка, широко распространенного в педагогической среде начала века, Масловская в своем критическом пафосе зашла так далеко, что записала Чарскую в число таких авторов, которые своими произведениями лишают молодежь высоких идеалов, без которых они жить не могут, толкая их тем самым (ни много ни мало! – О. Г.) на самоубийство.

Несмотря на то, что образы избалованных, излишне самолюбивых и самоуверенных, строящих свои взаимоотношения на банальных любезностях и стремящихся к ложно понятому героизму детей², созданные в школьных повестях Чарской, оказались необычайно притягательны для юных читателей, Масловская убеждена, что на самом деле, в жизни, молодежь, в отличие от героев

² В трактовке З. Масловской.

писательницы, «не так-то легко» примиряется с пошлостью: «Кто близок к детям, кто живет среди них и читает в их душе, тот знает, что <...>, не все у нас одно серое ничтожество. Есть у детей и молодежи и глубина души, есть нередко и особое, мистическое настроение, свидетельствующее о большом душевном богатстве. Жить среди детей – значит не потерять веры в Высшее, так как при близком общении с ними безусловно видишь, что «Их есть Царство Небесное» [9].

Таким образом, в статье З. Масловской Л.А. Чарская предстала как знамение времени, отмеченного падением «высоких идеалов». Подобно Гамельнскому крысолову она, по словам критика, «своими пошлыми мелодиями жизни», уводит детей далеко от родительского дома, «дает мишуру, побрякушки ложно понятых чувств, заставляет детей любить их – и заводит в то болото пошлости, из которого нет возврата». «Когда же появится настоящий писатель для детей, понимающий всю прелесть и поэзию детской души, когда он сумеет отразить в своих книгах всю красоту её, то я ручаюсь, что ни один ребенок не откроет больше «За что?» или «Княжну Джаваху» [9].

В том же духе – как величайшее общественное зло, как следствие «падения высоких идеалов» на рубеже веков, но с еще большим, по сути, публицистическим накалом и обличительным пафосом популярность Чарской объясняется в статье В. Фриденберга «За что дети любят и обожают Чарскую?» [10].

Однако разница между статьями двух критиков есть, и она существенна, т. к. заключается в самих основаниях их критики. И с этой точки зрения позиция Масловской заслуживает большего уважения, чем «нелитературные» выпады В. Фриденберга. Она рассматривает произведения писателя с позиций признания права ребенка на собственный выбор, на развлекательную книгу и в контексте актуальных для первых десятилетий XX в. проблем детского чтения, а именно:

– всеобщего осмысления (педагогами и родителями, детскими писателями и деятелями просвещения) громадного воспитательного значения книги; идей о социализирующем воздействии искусства на личность, о ее самоценности, получивших в эстетике и педагогике начал века новый импульс развития под влиянием фундаментального исследования Л.Н. Толстого «Что такое искусство?» (1897);

– выработки критериев хорошей и «дурной» детской книги («... под книгой мы подразумеваем только ту, которая приносит пользу (нравственную – О. Г.), развивает мысль, будит эстетическое чувство, написана, действительно, талантливым писателем» [9]³).

– решения задачи приобщения ребенка к чтению («... научить его искус-

³ Кстати сказать, Масловская считала Чарскую талантливым писателем («пишет легко и живо» [9]).

ству читать хорошие книги, а также тому, что Шопенгауэр называет «искусством не читать»: «Daher ist in Hinsicht auf unsere Lectüre die Kunst nicht zu lesen höchstwichtig» («Ueber Lesen und Bücher»). <...> «Um das Gute zu lesen ist nur eine Bedingung, dass man das Schlechte nicht lese: denn das Leben ist kurz, Zeit und Kräfte beschränkt» [Для того, чтобы читать хорошие книги, необходимо лишь не читать плохих, ибо жизнь наша коротка, а время и силы ограничены]» [9]).

Кроме того, в условиях резкого обострения в начале века конфликтов между взрослыми и детьми, когда отсутствие взаимопонимания между поколениями отмечалось многими детскими писателями и педагогами, Масловская акцентировала внимание своих читателей на детской книге, позволяющей лучше узнать ребенка, как на одном из оснований для восстановления гармонии между миром взрослых и миром детей.

Другое дело, что со всех перечисленных выше позиций творчество Чарской, было признано критиком неудовлетворительным исключительно с педагогических позиций и в свете формирующегося (опять же под сильнейшим педагогическим давлением!) в начале века в детской литературе «новых» нравственно-эстетических идеалов.

Список использованной литературы и источников

1. Путилова Е. О забытых именах, или О феномене Л. Чарской // О литературе для детей. Вып. 32. Л., 1989. С. 73–89. URL: (дата обращения: 10.11.2017).
2. Агафонова Н.С. Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005. URL: <http://cheloveknauka.com/proza-a-verbskoy-i-l-charskoy-kak-yavlenie-massovoy-literatury#ixzz4 ffJQD13> (дата обращения: 05.09.2017).
3. Ерёмкина И. [Б. н.]. Послесловие // Три слезинки королевы. Сказки Лидии Чарской. М., 1993. С. 65–66.
4. Полонская Е. Та самая Чарская // Нева. 1996. № 12. С. 231–235.
5. Трофимова Е. И булавки чужой не взять // Литературная газета. 2008. № 46. URL: www.lgz.ru/publication/ (дата обращения: 05.09.2017).
6. Шацкий Е.О. Нравственно-эстетическое своеобразие и актуальность творчества Лидии Алексеевны Чарской. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. URL: www.dissercat.com (дата обращения: 05.10.2017).
7. Чуковский К.И. Лидия Чарская // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 6 т. М., 1969. URL: azbyka.ru. (дата обращения: 05.10.2017).
8. Глоцер В.И. Письмо Чарской Чуковскому: комментарии // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1969. URL: azbyka.ru. (дата обращения: 05.10.2017).
9. Масловская З. Наши дети и наши педагоги в произведениях Чарской // Русская школа. 1911. № 9. Отдел I. С.102–124. URL: www.diary.ru/~charskaya/p164649432.htm?oam (дата обращения: 05.10.2017).
10. Фриденберг В. За что дети любят и обожают Чарскую? // «Новости детской литературы». 1912. № 6. С. 1-6. URL: www.diary.ru/~charskaya/p164653158.htm?oam